

— ФАНТАСТИКА —
КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

КРИСТОФЕР ПРИСТ

ГРАДУАЛ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
П77

Christopher Priest
THE GRADUAL

Перевод с английского: *Владислав Заря*

В оформлении использована иллюстрация
Василия Половцева

Дизайн обложки: Василий Половцев

Copyright © Christopher Priest 2016
All Rights Reserved
© Владислав Заря, перевод, 2022
© Василий Половцев, иллюстрация, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Конраду Уильямсу

1

Я рос в мире музыки, во время войны. Война часто вторгалась в музыку. Когда я вырос и стал композитором, многие мои сочинения были украдены, скопированы или перекомпонованы плагиатором. Я потерял брата, жену и родителей. Сделался беглецом и преступником, странствовал по островам, открыл градуал. Каждое обстоятельство влияло на остальные, но музыка оставалась со мной всегда, исцеляя раны.

Отправившись в погоню за своим мучителем, я невольно совершил путешествие во времени.

Время — процесс постепенный, градуальный, словно старение. Оно протекает незаметно.

2

Я одарен музыкальным талантом, поэтому вопрос, как построить будущее, никогда всерьез передо мной не стоял, однако война, поглотившая мое детство, сделала более насущными другие проблемы.

Выживание оставалось, конечно, главной задачей, однако нам — мне, брату и родителям — приходилось есть и пить, спать и учиться, спускаться в убежище куда чаще, чем хотелось бы; приходилось заботиться о пострадавших от войны знакомых. Мои родители, карьеры которых были прерваны, когда начались бомбежки гражданских кварталов, нашли другие места, но из-за непредсказуемых воздушных налетов им приходилось часто прерывать работу. Ни матери, ни отцу не удавалось заработать достаточно, чтобы прокормить всю семью. Они постоянно приходили и уходили, и мне пришлось выработать способность думать самому и самому за собой присматривать.

С войной я не мог ничего поделать, но мир, в котором родился, принимаешь как должное, по крайней мере вначале. Я родился в музыкальной семье и был щедро одарен талантом. Подрастая, я, с моим уникальным даром, с естественной легкостью осваивал один инструмент за другим. К десяти годам я умел играть на гитаре и блок-флейте, в совершенстве владел скрипкой и фортепиано и уже написал свои первые композиции. Я редко хвастаюсь и сейчас просто упоминаю это как факт. Став взрослым, я заработал репутацию известного композитора в сфере современной классической музыки. Меня зовут Алесандро Сасскен.

Пока воздушные налеты не усилились, мой отец был первой скрипкой Эррестской филармонии, ведущего оркестра в тех краях, где мы жили. Росла и его известность как виртуозного солиста. Когда бомбежки участились, оркестр распустили, и отец

был вынужден подрабатывать учителем. Матери, некогда лучшей певице в гастролирующей оперной труппе, тоже пришлось брать учеников. Обоим это далось нелегко.

Был еще брат Джак, на четыре года старше меня, приближавшийся уже к призывному возрасту.

Джак тоже был скрипачом, и недурным, но остался любителем в музыке и стал изучать юриспруденцию. Его учеба прервалась с усилением военных действий. Я знал, что Джак — яростный противник любого насилия и что он надеялся, если удастся избежать призыва, получить степень в сфере международного законодательства.

Когда я подросток и стал понимать всю сложность стоявших перед ним проблем, то понял, что брат разрывался между музыкой, преданностью родителям, беспокойством насчет законности войны и, конечно, тревогой о предстоящем призыве, который разрушил бы все его планы. Большинство парней его возраста, похоже, относились к военной службе с изрядной долей фатализма, откладывая все планы на будущее до конца солдатчины. Джак был не таков, и я в некотором роде тоже. Для музыканта музыка — это часть жизни. Она не оставляет выбора или альтернатив.

Музыка и бомбежки. Таковы были две главные составляющие моего детства со времени осознания себя и до конца школы. Враги — как нам всем было известно, населявшие соседнюю страну Файанденд — обстреливали нас ракетами и насылали беспилотные бомбардировщики. Хотя налеты никогда не были сплошными, бомбы случайным

образом падали на фабрики, военные объекты, школы, дома и больницы. Если наша сторона в отместку и делала то же самое, я никогда об этом не слышал.

Война подразумевает секретность и неопределенные, но могучие патриотические чувства. Загадочным образом одно неразрывно переплетается с другим. Все известия о войне, несомненно, контролируемые и подвергавшиеся цензуре военной хунтой, располагавшейся в столице, Глонд-городе, всегда были положительными, победными, бравыми. Я, однако, также узнал, хоть и не от учителей, что моя родная страна, Республика Глонд, имеет бурную историю, прискорбно богатую на конфликты с прилежащими странами.

Что бы там ни было в действительности и кого бы ни считать агрессором, а ни одно гражданское лицо не могло чувствовать себя в безопасности. Через короткие, хоть и нерегулярные интервалы в нашу жизнь врываются звуки воздушной тревоги. Город Эррест, где я жил, был провинциальным промышленным центром, не главной мишенью для врага, но из-за огромных сталелитейных предприятий на окраине нам все же доставалось куда больше нежелательного убийственного внимания, чем многим другим. Эррест располагался на побережье, но порта не имел, лишь небольшую гавань, но и она, надо полагать, все же привлекала врагов. Столице приходилось еще хуже, однако она находилась от нас далеко на западе, и по Эрресту постоянно ходили домыслы, будто нападения на нас происходят из-за ошибок в расчетах. Несмотря на

эти предположения, бомбежки продолжались на протяжении всей той фазы войны.

Собственно говоря, моя семья и я вместе с ней пережили войну относительно невредимыми, по сравнению с тысячами других людей. Наш дом, как и все прочие, получил повреждения, но преимущественно поверхностные. При одном налете мы потеряли часть крыши, а при других выбило несколько окон. Дом был построен основательно, с глубоким погребом, куда мы сложили самое ценное имущество и прятались сами, когда звучала тревога. В целом нашему району мало досталось от бомб и снарядов, самые тяжелые разрушения пришлось на центр города. Одним из самых старых зданий, разрушенных в Эрресте, оказался Дворец Промышленности, величественный и прекрасный комплекс концертных залов и аудиторий. До начала бомбежек оркестр отца регулярно выступал в залах Дворца.

Как и все дети, я жил в двух мирах: внешнем, реальном, который иногда бывал мрачным, пугающим или гнетущим, но чаще всего оставался заурядным, и во внутреннем мире воображения и мечты. Там, в уютном убежище собственных мыслей, стимулируемых и оживляемых созиданием музыки, я проводил ежедневно столько времени, сколько мог. Конечно, часть музыки, которую я слушал, была настоящей, слышимой — долгие часы учебы и занятий, звуки инструментов родителей и брата, воспроизведение имевшихся у нас граммофонных записей, — но преобладал поток музыки воображаемой, отчего-то струившийся из моего подсознания.

Я назвал внешний мир заурядным, и таков он для меня и был. Я не знал иного, и потому предполагал, что жизнь в Эрресте, да и вообще в Глонде именно такова, какой должна быть, какой все ее знают. То, что мне тогда представлялось обыденностью, являло собой не слишком большой город, выросший, как я теперь понимаю, из рыбацкой деревушки, но к моменту моего рождения расширившийся и развившийся достаточно, чтобы вместить несколько крупных фабрик, а главное — сталелитейный завод на противоположной окраине. Расширение началось лет сто назад, когда в холмистой местности неподалеку были обнаружены изрядные залежи железной руды. Эррест превратился в город мрачных и грязных фабрик, угрюмых кварталов жалкого жилья для рабочих, источник сливов множества отвратительных жидкостей в нашу единственную речушку и почти постоянной завесы насыщенного химикатами смога.

В то же время принадлежавшая государству тяжелая промышленность неизбежно привлекала в город богатство, и к моменту моего рождения Эррест уже прославился как центр искусств. Здесь была расположена одна из величайших картинных галерей Республики Глонд, с несколькими филиалами в других близлежащих городах. Имелись также Дворец Промышленности, вмещающий два театра, три разноразмерных концертных зала, несколько хорошо оборудованных практикумов, огромный стадион, библиотечный абонемент, студию звукозаписи, два ресторана. Эррест многие в нашей стране считали городом показушным, таким монументом

индустриализации и выгоде. Само собой, он стал одной из первых мишеней для файандендских беспилотников и самонаводящихся ракет.

В промежутках между налетами — а иногда без бомб проходили недели и даже месяцы, порождая ложные надежды — я занимался на скрипке и родительском рояле. В основном я оставался скрипачом, но все больше меня влекло к фортепиано, и однажды мне вдруг захотелось записать кое-что из мелодий и гармоний, слышавшихся мне в мыслях.

Я поступил в местный юношеский оркестр третьей или четвертой скрипкой (какой именно — зависело от того, кто будет присутствовать на конкретной репетиции или выступлении), а местный общественный клуб по традиции охотно принимал юных музыкантов в определенные дни недели. Мы с Джаком наведывались туда всякий раз как удавалось, открывая для себя народные песни и популярные танцы, хороводные мелодии, исполняемые на барабанах и концертино, быстрые, громкие и долгие. Нам так нравилась эта расслабляющая ерунда, что оба мы запустили занятия классической музыкой, но отец быстро положил этому конец, когда обнаружил, что происходит. В дальнейшем посещения клуба были строго дозированными.

Музыка оставалась для меня музыкой, как бы она ни называлась. Но я любил родителей и по природе не был мятежником.

Одним теплым летним днем, когда мне было всего лет семь, я совершил простое открытие, косвенным образом положившее начало событиям, изменившим в конце концов всю мою жизнь.

Из-за ограничений, накладываемых обстоятельствами военного времени, а также потому, что оставался еще маленьким ребенком, я был почти лишен любопытства ко внешнему миру. Бóльшую часть времени я проводил дома. Когда выходил наружу, это случалось обычно в плохую погоду — холод, туман, хмурь, ветер. Погода стояла одна и та же по всему Глонду, кроме гор, где она была еще хуже. Дороги часто оказывались покрыты глубокими лужами из-за поврежденных стоков и опасными нерасчищенными завалами. Несколько раз мальчишкой я расшибал колени и щиколотки о куски металла или остатки каменной кладки, торчавшие из почвы. Люди в Эрресте ходили опустив головы, глядя, куда ступить, безразличные к окружающему миру.

Я не отличался от остальных. Торопился в школу и из школы, затемно обычно отправлялся играть в клуб. Мало что знал и почти не заботился обо всем, что лежало вне моего непосредственного окружения.

В день, о котором идет речь, я слонялся по верхнему этажу нашего дома, когда вдруг заметил, что лестницу, ведущую на крышу, не убрали. Родители часто пользовались чердаком, так что наличие ведущей туда лестницы удивляться не приходится, но обычно они задвигали ее вверх, так что ее и не видно. Сейчас их поблизости не было, а брат находился где-то внизу. Я не торопясь полез вверх.

Территория наверху не была запретной — скорее, «нерекомендованной», потому что родители редко что-либо запрещали. Они всегда старались убедить нас с Джаком, все объясняли. Такими уж

людьми они были. Я знал, что крыша — место рискованное, потому что некоторые бомбы устроены так, чтобы разрываться в воздухе. Много домов было уничтожено сверху, и повреждения, нанесенные нашему дому ранее, тоже были от воздушных взрывов. Но в тот день сирены молчали, да и вообще как раз наступил один из периодов передышки.

Я знал, что отец хранит на чердаке несколько коробок с нотами, и мне хотелось посмотреть, что там. Чердак не был освещен, но большое окно в одном из скатов крыши пропускало внутрь солнечный свет. Воздух внутри был теплым, затхлым и сухим. Пачки нотной бумаги покрывала пыль; некоторые листы были исписаны нотами, но большинство чисты. В углу стояли старые футляры для инструментов и деревянный пюпитр.

Печатные листы с музыкой я обнаружил в большой коробке, но едва начав их просматривать, тут же понял, что эта музыка не из тех, что я любил. Там были вокальные партии, духовые, гитарные, мужские хоровые песни, женские романсы... Я-то надеялся найти что-нибудь такое, что мог бы выучить и исполнить, но ничто из увиденного меня не привлекло. Я был всего лишь мальчишкой и ничего не понимал. Возвращаясь мысленно в тот день, я не могу не задумываться, что же было в коробке — может быть, кое-что могло бы сейчас представлять ценность. Во всяком случае, тогда я потерял интерес и отвернулся.

Подойдя к окну, я увидел, что под ним стоит старый сундук, на который можно было влезть и выглянуть наружу.